

Геннадий ХАЗАНОВ:

Жанр эстрадной сатиры вышел из обращения

ФОТО: СЕРГЕЙ ФАДЕЕВ/АФИТАР-TASS

Геннадий Хазанов любит сказку Евгения Шварца об украденной тени. Тень самого Хазанова однажды тоже была украдена.

В 1988 году на концерте в Симферополе к нему подошел молодой человек и сказал: «Я взял вашу фамилию. Вы не будете возражать?» «Как это – взял?» – изумился артист. «Очень просто. Пришел в милицию и поменял паспорт. Теперь я – Хазанов». В архиве настоящего Хазанова до сих пор хранится афишка: «Народный артист России Геннадий Хазанов представляет Вилену Хазанову в программе...» Этот человек уже более 20 лет гастролирует по России и странам СНГ. На вопрос: «Вы что же, брат Хазанова?» – скромно потупив очи, отвечает: «Ну не сестра же».

Впрочем, козырять «родством» с самим Геннадием Хазановым становится все труднее. Потому что уже не всякий знает, кто это такой. Геннадий Хазанов – художественный руководитель Театра эстрады. Но к самой эстраде теперь отношения не имеет.

– Почему вы больше не даете концертов?

– Потому что вышел из обращения жанр эстрадной сатиры. Мне совершенно неинтересно мелькать на телеэкране в так называемых «юмористических

программах. Зачем? Чтобы благодаря этому мельканью получать приглашения на корпоративные выступления? Я в этом не очень нуждаюсь. А самое главное – я сформировался в эпоху, когда артист понимал, что его творчество должно быть общественно значимым. И когда началась девальвация слова, вакханалия хамства и безграничного дурновкусия, я понял, что конкуренцию с мастерами этого «жанра» не выдержу.

– А в советские времена вы себя ощущали успешным эстрадным артистом?

– Да, когда-то, окунувшись с головой в эстраду, я понял, что это моя дорога. Но проблема репертуара была всегда. Мне казалось, что в материале не хватает глубины, объема. Возможно, я был слишком придиричив. По мнению режиссеров, с которыми мне приходилось работать, с определенного момента я стал «капризничать». Это субъективные причины моего недовольства эстрадной деятельностью. Но были и объективные.

– Вы цензуру имеете в виду? – Не только ее. Главная сложность существования на концертной эстраде – в том,

что нужно каким-то чудом интегрировать разные слои зрителей. Отчасти мне это удавалось. Наверное, потому, что я прошел школу эстрадной студии МГУ «Наши дом», где сформировался как оппонент традиционной эстраде, а профессию получил в училище циркового и эстрадного искусства. Но «ампула» эстрадника, которую мне зашили в середине 60-х годов, начала срабатывать. И к концу 80-х я дошел до черты, когда уже не понимал, что мне делать дальше.

– Это тогда у вас начались конфликты со зрителями?

– Они начались в начале 90-х. Зритель был не виноват. Просто он сильно изменился. Я не понимал, что мне делать. Просто веселить, смешить – это, конечно, нелепо. Но все равно была потребность в нравственной планке. Мне хотелось сделать что-то такое, что поднялось бы над смехом. Вообще предположение финала эстрады и моего пребывания на ней стало меня мучить уже в 91-м году. Позже пришло осознание, что нравственные ценности выше социальных. Но эстрада социальна по сути, и как только я попытался выпрыгнуть за границы социальности, сразу почувствовал, что не отвечаю зрительским запросам. Вспоминаю поездку в Германию в середине 90-х. Выступал перед русско-

язычными эмигрантами, и дама из зала спросила: «Нельзя ли поменять репертуар?» Это стало для меня вторым ударом. А первый я пережил в 94-м году в киноконцертном зале «Октябрь». Я пытался прочесть рассказ Шендеровича «Лужа», и меня выгнали со сцены. Правда, это совпало с годовщиной октябрьских событий 93-го года, и людей привели в зал, видимо, для того, чтобы отвлечь от протестных уличных акций. И я был зачислен ими в стан реформаторов, поддерживающих новую власть.

– И что вы решили в конце концов?

– Я понял, что надо уходить от социальности. И вспомнил, что у меня есть сценический опыт. Но ведь сформировался я как моноисполнитель. И когда Сергей Юрский позвал меня в свой спектакль «Игроки» во МХАТе, я сперва не понимал, по каким законам существуют актеры. Мне казалось, что я выхожу на свой вставной номер, а люди вокруг – они так, для мебели. Для эстрадного артиста, в отличие от драматического, партнером является зритель. Он может быть тебе адвокатом, прокурором, палачом. От его реакций ты бесконечно зависишь. И мне хотелось преодолеть эту зависимость. Мне нужен был режиссер, который бы не ломал мою природу и был способен обнаружить в ней скрытые резервы. Таким режиссером стал для меня Леонид Трушкин. Он поставил спектакль «Ужин с дураком».

Потом мы встретились в работе над «Смешанными чувствами», над спектаклем «Все как у людей». А к моему юбилею Трушкин поставил «Морковку для императора», где я играю Наполеона. Кроме того, несколько лет назад Марк Захаров ввел меня в лекционный «Город миллионеров».

– Расскажите, в каком состоянии был Театр эстрады в 1997 году, когда вы его приняли?

– Театр эстрады открылся в 1954 году, после смерти Сталина, и располагался на площади Маяковского. А в 1961 году переехал на Берсеневскую набережную. Это было единственное помещение, где с осени и до лета проходили выступления эстрадных артистов. Но сегодня, если артист «кассовый», он легко освоит пространство «Олимпийского». Рекламные расходы те же, а сбор неопосредованный. Что касается концертов, состоявшихся из разножанровых номеров, они прекратили свое существование.

– И поэтому Театр эстрады стал прокатной площадкой для антреприз?

– Он всегда был прокатной площадкой. Здесь никогда не было актерского штата. Артистов брал, допустим, из Москонцерта и платил за них. Это было выгодно для всех. И вот в одночасье все рухнуло. Я пришел в театр, когда ситуация с концер-

тами была катастрофическая. Как сейчас помню, 15 мая 1995 года было продано 13 билетов. Пришлось судорожно искать разные пути. Но когда я разослал приглашения звездам шоу-бизнеса, 90 процентов из них не ответили!

– Тем не менее в вашей афише наряду с именами Михаила Жванецкого и Александра Градского попадаются и Петросян со Степаненко.

– Понимаю, на что намекаете. Скажу так: я стараюсь держать планку. Но если буду ориентироваться только на свой вкус, то дней через 20 театр прогорит. Вы думаете, мне все идущие здесь антрепризы нравятся? Я как-то пришел на две из них и не знал, как досидеть до антракта. Зато я имею возможность выходить на сцену с Олегом Басилашвили в спектакле «Ужин с дураком». Играем спектакль уже более 10 лет. Да, я, конечно, мечтал бы, чтобы все было безупречно по вкусу, но как будет выживать театр? Я, например, не большой поклонник «Новых русских бабок». Но если завтра они придут с просьбой сдать театр в аренду для выступления, я скажу – пожалуйста.

– То есть тут предложение формируется спросом или наоборот?

– Трудно сказать. Мне кажется, это некие сообщающиеся сосуды. Что бы мы ни говорили, у такого продукта есть огромное количество потребителей. Я вообще не уверен, что тонкая ирония и высококлассный юмор где-нибудь в мире имеют массовую аудиторию. Бескультуры продается лучше, чем культура. Не только в России. Но в нынешней России – особенно.

– А что, в советские времена не было ничего подобного?

– Да было, конечно. Но гораздо меньше. Система цензуры – не только идеологической, но и художественной – все-таки работала. Прочитавшую фразу из пьесы польского драматурга Ежи Брошкевича: «Не забывайте – клетка не только ограничивает, но и предохраняет», он не и предохранил. Отсутствие государственных цензурных органов предполагает наличие подобных органов внутри человека. Но это, как говорил Райкин в одном из своих монологов, «хорошо бы, чтобы никто не брал взятку».

– Сегодня мог бы появиться второй Райкин?

– Едва ли. Сегодня не нужен социальный глашатай. Хотя поводов для сатиры предостаточно во все времена. Человеческие пороки, несовершенство общественных отношений, ошибки и промахи власти – все это было, есть и будет.

– А над кем в свое время смеялся Аркадий Райкин?

– В каком-то смысле он смеялся и над собой.

Беседу вел

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Бахтияр ХУДОЙНАЗАРОВ:

Атмосфера всегда одна – территория любви

Начало творческой карьеры Бахтияра Худойназарова, выпускника ВГИКа, совпало с лихими 90-ми.

И именно в это время его первый фильм «Братан» получил ряд призов на международных кинофестивалях, а второй – «Кош-ба-кош» был отмечен «Серебряным львом» кинофестиваля в Венеции. Трагикомедия «Лунный папа» стала его наиболее известной режиссерской работой, а фильм «В ожидании моря» прошлой осенью открывал 7-й Римский фестиваль, в июне участвовал в конкурсе 24-го «Кинотавра» в Сочи и был показан в российских программах 35-го МКФ. Недавно режиссер закончил работу над фильмом «Гетеры майора Соколова», в котором сыграл последнюю роль Андрей Панин.

– Вы не раз говорили, что фильм «В ожидании моря» – часть трилогии, в которую входят «Лунный папа» и «Живая рыба», можете объяснить, чем объединены эти работы?

– Это нужно спросить у Маркеса, он так сказал. Когда-то в Минске он посмотрел «Лунного папу», а он тогда был немного болен, и мы решили его развлечь, передали ему картину. Потом сообразились, и он сказал мне: «Знаешь, ты для меня – Маркес в кино, я тебе даю любую вещь – снимай». Пока я ничего не делал, но очень хочу! А из трилогии мне осталось доснять картину «Живая рыба», делаем ее уже лет шесть.

– А что именно вы экранизировали бы у колумбийского гения?

– Роман «Генерал в своем лабиринте» – про Боливара. Это последняя вещь, которую я прочитал у него. И это единственная история, которую он написал, изменив себе. И почему мы с ним такие – у него все время «просто Латинская Америка», а у меня «просто Евразия» – в этих пространствах пытаемся обитать? «Мы – евразийцы, ребята, мы – не европейцы, к сожалению», – говорю я все время своим друзьям. Хотя Томас Манн очень хотел видеть нас европейцами, у него в «Волшебной горе» есть такая фраза, где он задает вопрос: «Чем мы схожи с русскими?..» Просто мы сильные, такие территории отхватываем. А почему я эти три фильма складываю в трилогию? Потому что хочу повторить в кино то, что сделал Маркес в литературе. Вот еще одну картину сниму – и все.

– Сядете романы писать, как Габриэль Гарсиа Маркес?

– Откуда узнала?

– Интуитивно спросила. Но вернемся к «Морю». Когда посмотрите вашу картину, воспринимаете прежде всего глобальное послание человечеству – каждый день, несмотря ни на что, нужно крутить лебедку, если хочешь что-то изменить в окружающей тебя жизни. Скажите, а какой-то более конкретный смысл вы вкладывали в эту фразу – «в ожидании моря»?

– Мне кажется, люди в фильме прекрасно обходятся и без моря. У них есть нефть, газ – это одно, а море – это другое. Герою Егора Берова, бывшему капитану, конечно, хочется, чтобы люди пришли к мысли об «ожидании моря». Смотрят, как они живут – от такой эколо-

гии у них истончаются кости, постоянно песок в носу и ушах, а они этого уже не замечают, поддались психологии ущерба. «А море-то рядом, – говорит герой Берова, – оно у нас в голове, и, если видишь его, можно жить совсем по-другому». Вот капитан захотел, и море к нему пришло. А люди его просто не видят – смысл глобального послания в этом. Но есть и конкретное: для меня этот фильм – послание моему папе, который ушел из жизни 9 Мая...

Что касается посвящений. Три дня назад я закончил съемки фильма «Гетеры майора Соколова», где снимался Андрей Панин. Мы сидели с ним рядом, и он меня постоянно ругал, запрещал пить. И много чего другого запрещал. У нас был огромный нагончик на пару с ним – это была аптека: с утра я должен выпить это, проглотить это, сделать то. И однажды он у меня спросил: «Слушай, я хочу все-таки понять, кому мы этот фильм посвятим?» И я сказал: «Давай отцам посвятим». И еще он сказал: «Ты же не можешь, чтобы никому не посвящать?» Такая у меня традиция. А теперь так получилось, что мы посвятили картину ему, Андрюшечке.

– Коль вы заговорили об Андрее Панине, хочу спросить, что такого необыкновенного было в этом человеке? Чем он брал всех, почему так пронзил всех неожиданный его уход?

– Сложный вопрос, попытаюсь ответить маленьким эпизодом. Помню, картину «Шик» дней семь мы снимали в Севастополе, и ничего у нас не получалось. Снимались Андрей Панин с Сашей Яценко, оператором был Володя Климов. Андрей снялся и уехал, я посмотрел материал и звоню ему: «Сцена никакая, надо переснимать». И Валера Годоровский, мой хороший товарищ, на съемки к которому уехал Андрей, пошел навстречу. Андрей приехал, и мы за один день пересняли красивейшую сцену в «Шике». Помните, когда он танцует со стулом, это все он придумал, у меня на тот момент не было идеи, а Андрей, он всегда был режиссером своих ролей. И мы с Рубеном Дишдишяном гордимся тем, что как продюсеры сделали все возможное для того, чтобы Андрей снял картину «Внук Гагарина».

– Оператор Владимир Климов рассказывал, что вы умеете создавать на съемках удивительно творческую атмосферу, отличались ли по атмосфере съемки картин «Шик» и «В ожидании моря»?

– Атмосфера всегда одна – территория любви.

– Как вы называли бы жанр, в котором снимаете свое кино, – думается о магическом или фантастическом реализме? И кто вас подвиг на это?

– Как кто, конечно, мама моя Октябрина. Она обожала Пушкина, для нее это было все, она накачивала меня Пушкиным, у нас было полное собрание его сочинений, вышедших при его жизни. Мы все это сдали в какой-то фонд, потому что такие раритеты должны принадлежать всем. И таких людей

в Душанбе, глубоко интересовавшихся Пушкиным, во времена моего детства было много, а сейчас мама – последняя из могикан. Что касается жанров – картины мои сняты в разных жанрах: «В ожидании моря» – притча, «Лунный папа» – трагикомедия.

Моем учителем в кинематографе был Игорь Таланкин, а еще Сергей Соловьев, потому что Таланкина, когда мы учились у него, часто не было, он снимал «Бесов», и мы ходили к нему на съемки. Вообще, удивительный был курс, со мной учились Федор Бондарчук, Тигран Кеосаян, Иван Охлобыстин, Александр Баширов, Олегас Дитковскис. Помню, как потом встретился с мастером: «Слушай, мастер, ты как?» – «Ты мне картины привези». – «Может, в кинотеатре посмотреть?» – «Нет, вези!» – «Я тебя обожаю – за то, что собрал столько талантливых людей, целую индустрию». Причем за сочинение на вступительных экзаменах я получил «двойку», но у меня как у абитуриента из Таджикистана была 25-процентная скидка.

– Что было самым сложным на съемках? Кто из операторов запечатлел эту необыкновенную красоту ушедшего моря на Каспии?

– У нас работали три оператора, но основным считаю Душана Йоксимовича, одного из самых крутых сербских операторов, сруб – мои братья и совершенно особая статья в моей жизни, они много сделали для этого фильма. Работали также бельгийцы, узбеки.

– Почему у российских режиссеров стало модным уезжать в Германию? В Каннах этого года российский пресса шумела по поводу приза «Открытие» Дарье Беловой, но девушка представляла Берлинскую киноакадемию, вот и вы давно живете в Берлине...

– Во-первых, я никогда не уезжал, я просто учился в Берлине. После успеха фильма «Братан» захотел снять другой фильм, и мне предложили написать в фонд, где могут дать пленку. Я написал, а это оказалась европейская академия «Никон». Так я оказался в Германии, с которой меня связывает еще и история моего дедушки, который после войны служил в комиссариате в Берлине. Знаю, что у него в Берлине родилась дочь, а в 1948 году его посадили. Так что я ишу свою родственницу и очень надеюсь, что она богата (улыбается). Я почему-то уверен в этом, дед мой был очень статный, звали его Искандер.

– Как вы относитесь к идее объединения бывших союзных республик – строим Союзное государство с Беларусью, ведем речь о Тамозенном союзе?

– Я говорю всем, что я – советский человек, и многие меня за это не любят. Я родился в СССР, учился, жил этим духом и этими проблемами. Я мог с друзьями, нам было по 16, сесть в поезд и спокойно поехать в Белоруссию, Грузию, Прибалтику, и никто у нас не спрашивал паспортов. Мы просто садились и гнали куда хотели. И вот этого ощущения нет у нашей молодежи, и это, на мой взгляд, ужасно.

Беседовала
Нина КАТАЕВА

Кадр из фильма «В ожидании моря»

СЛОВО

Золотые перья «Золотого витязя»

Организаторы и участники IV Международного Славянского литературного форума «Золотой витязь» призвали к борьбе с кризисом русской словесности.

Современные россияне, как говорит статистика, в среднем уделяют на чтение 9 минут в сутки. Неслучайно в Интернете ходит анекдот: «Вы Кафку любите? – Да, особенно грефневую». Скоро такие анекдотические ситуации все чаще будут становиться реальностью. И тут уже не до смеха. О кризисе русской словесности всерьез говорили на недавнем Российском литературном собрании, в котором принял участие президент Владимир Путин.

Важно и то, что читают сегодня. О проблеме испорченности вкуса и выхолащивания из литературы нравственного начала, о потере интереса к отечественной словесности учителя и писатели уже не говорят, а кричат. Авторы, создающих достойные произведения, немало, но в рыночную эпоху им просто пробиться к читателю.

Чтобы поддержать писателей, и был создан Литературный форум «Золотой витязь». Этот конкурс открыт как для признанных мастеров, так и для начинающих литераторов. Условие одно – произведение должно служить нравственным идеалам и возвышению души человека. Ведь именно на страже этих ценностей стоит Славянский форум «Золотой витязь», в рамках которого говорят о литературе.

О том, что необходимо вернуть словесность в ее духовное и нравственное лоно, отказаться от дешевой и нередко неприличной развлекательности, говорил в своем приветствии в этом году Почетный председатель жюри форума, лауреат Госпремии СССР и РФ, а также многих литературных премий, член Патриаршего совета по культуре, писатель Валентин Распутин. Он подчеркнул, что ситуация усугубляется еще и тем, что школа не уделяет должного внимания литературе, в то же время вводя в качестве обязательных предметов «сексуальное просвещение». Поэтому абитуриенты ведущих вузов проявляют ужасающую безграмотность в русском языке и литературе.

Нынешний форум впервые прошел при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ. Свои работы на конкурс прислали авторы из Беларуси, Украины, Сербии, Болгарии, Грузии, Армении, Латвии и Израиля, а также из 16 регионов России. Культуре регионов «Золотой витязь» уделяет особое внимание: на периферии отыскиваются настоящие самородки. С сентября по ноябрь участниками форума вместе с лауреатами прошлых лет встречались с читателями в библиотеках Москвы.

За литературу, воспитывающую уважение к славянской истории и культуре, уже не первый год вместе с «Витязем» борется писатель Владимир Крупин. В этом году он возглавил

О проблеме испорченного вкуса и выхолащивания из литературы нравственного начала, о потере интереса к отечественной словесности учителя и писатели уже не говорят, а кричат

международное жюри конкурса. На форуме сообщили радостную новость: книгу Крупина «Живая вода» издали на сербском языке. Президент «Золотого витязя», народный ар-

тист России Николай Бурляев заметил, что отныне все лауреаты литературного форума получат возможность публиковаться в Сербии. Республику Беларусь в этом году представляла писательница Анна Лео (Ирина Леонова). Автор сборника рассказов и эссе «Одаренные натуры» – о людях, остающихся романтиками в наши непростые времена.

Имена победителей были объявлены в Суздале. Лучшим прозаиком признали болгарского писателя Валко Мишева – он получил «Золотого витязя» и диплом за роман «Посланный из Леванта». Награду в номинации «Поэзия» за книгу избранной лирики получил поэт из Саратова Иван Малохаткин. Лучшим произведением для юношества назвали книгу Алек-

сандра Кердана «Земля россыпкой владения». «Одаренные натуры» Анны Лео завоевали «Бронзового витязя». А спецприз – за вклад в детскую литературу – получил прези-

дент Международной ассоциации детских фондов, писатель Альберт Лиханов.

В номинации «Публицистика» за книгу об отце Павле Флоренском награду получил игумен Андроник (Трубачев) из Сергиева Посада.

Сейчас публицистика – самый «горячий» и честный жанр, стоящий на защите человеческого достоинства, в том числе – носителя славянской культуры. Но, к сожалению, этот жанр обходит вниманием современные литературные конкурсы. Отсюда, что «Золотой витязь» вручает премию в номинации «Публицистика», – сказал заместитель главного редактора журнала «Наш современник», публицист Александр Казинцев.

Как всегда, «Золотой витязь» поддержал молодых. Лучшим дебютантом стал москвич Михаил Яковлев. Спецпризы от Издательского совета РПЦ получили писательница из Москвы Анна Коломиева и сербский поэт и переводчик Ранко Радович. Золотой медали А.С. Пушкина «За выдающийся вклад в литературу» удостоился председатель СП России, писатель Валерий Ганичев.

Татьяна СЕРГЕЕВА